

БОРЬБА КУЛЬТУР – БОРЬБА РЕЛИГИЙ?

Часть первая

В номере 4/3801 «Северной газеты», в статье под названием «Крестовый поход Америки в третью мировую войну» я уже говорил об опасности ведения боевых действий в Афганистане, которые чреватые началом полномасштабного религиозного конфликта между мусульманами и христианами по всему миру. Я также указывал на то, что фигура Усамы бин Ладена представляет собой лишь повод, в действительности речь идет о строительстве нефтяной магистрали через территорию Афганистана, которая предоставит нефть и газ кавказских республик в полное распоряжение американцев. Я работал над этой статьей в то время, когда первые бомбардировки уже закончились. Мое возмущение по поводу жертв среди гражданского населения – и в особенности среди мусульман – усилилось после того, как американцы сравняли с землей целую деревню, приняв фейерверки свадебной церемонии за недружественные действия мирного населения (количество погибших превысило при этом 100 человек).

Афганистан населен многими народностями, из них союзниками Америки являются представители Северного альянса – традиционное меньшинство, долгие столетия находящееся в состоянии вражды с пуштунскими племенами, которые составляют большинство населения. Действия северян напоминают вторжение советских войск, которые, захватив Кабул, оказались не в состоянии контролировать остальную часть страны – за исключением отдельных укрепленных районов – и это несмотря на 250 000-ый вооруженный контингент. Территория Афганистана труднопроходима, местность сильно пересечена – это осложняет контроль страны оккупационным войскам. Американцам следовало бы заранее обратить внимание на этот факт, впрочем, когда пришло время, они сами узнали о нем. Иными словами: даже если бы нефтепровод оказался готов, он стал бы объектом постоянных диверсий, которые, в свою очередь, превратили доставку нефти к берегам Оманского залива в весьма и весьма трудновыполнимое предприятие. После того, как американцы это поняли, свои войска из Афганистана они вывели. Отдельные подразделения в стране остались, несколько тысяч человек – символическая цифра при населении в 20 миллионов; бремя расходов по содержанию этих подразделений было возложено Америкой на плечи союзников, и (о чудо!) было официально объявлено о завершении операции по поискам Усамы бин Ладена. Карательная экспедиция, целью которой являлся захват и уничтожение человека, которого США во всеуслышание объявили виновным в совершении террористических актов 11 сентября 2001 года (имелось прямое указание американского президента найти и, при необходимости, уничтожить бин Ладена без суда и следствия), была отменена. Достаточный повод для любого самостоятельно мыслящего политика, чтобы понять: в ходе операции речь шла не о борьбе с терроризмом.

И все-таки, послушные союзники у США нашлись быстро, уже в ходе подготовки к следующей кампании: в лице Тони Блэра (участвуя в военно-политических авантюрах Америки, Блэр пытается, по-видимому, удовлетворить британские претензии на мировое господство) и глав правительств Испании, Италии и Польши. Абсурдные – по оценкам спецслужб, в том числе и британских – утверждения о том, что Саддам Хусейн поддерживает сеть Аль-Каиды, вдохновителем которой является Усама бин Ладен, были живо подхвачены лидерами США и Великобритании, а самого Хусейна объявили виновным в причастности к терактам 11 сентября (в это, кстати, до сих пор верит 2/3 населения Соединенных Штатов, что, однако, учитывая степень контроля сионистских кругов над американскими СМИ, никого не может удивить). Далее – и вновь вопреки очевидным фактам – было объявлено, что Саддам Хусейн либо уже располагает оружием массового поражения, либо работы по созданию такого оружия вступили в свою завершающую стадию. Докладная база этих заявлений была фальсифицирована. То, что она не выдерживает никакой критики, наглядно продемонстрировал Главный инспектор ООН по вооружениям Ханс Бликс, вскрывший механизм этих фальсификаций. Несмотря на это, война в Ираке все-таки началась: война, противоречащая основам международного права, война, начатая без согласия ООН. Как и в случае боевых действий в Афганистане, речь здесь шла в первую очередь об одном: стремлении США взять под контроль нефтяные запасы страны. Так, вместо того, чтобы начать наступление на Багдад, американские войска в первую очередь захватили нефтяные месторождения на территории Ирака – понятный шаг, учитывая необходимость сохранить их целостность и неприкосновенность. После этого в СМИ сообщалось об американцах, которые заключают новые трудовые договора с рабочими месторождений. Иными словами: нефтедобывающая промышленность Ирака перешла под полный контроль Америки, и это несмотря на то, что и месторождения нефти, и нефтепроводы, и перерабатывающие мощности являются собственностью государства Ирак. Что касается защиты исторических ценностей, то ею американцы не озаботились: музеи были разграблены и опустошены начисто. Впрочем, в Ираке и Афганистане события развивались по одному сценарию: оказалось, что мало одержать военную победу над страной. Урегулирование возможно лишь в том случае, если победители в состоянии реально контролировать всю ее территорию. Как видим, американцы на это не способны. Их базы в Ираке напоминают настоящие крепости, сообщение между которыми из-за постоянной угрозы нападения со стороны местного населения ограничено. Помимо этого, называется и отсутствие у США плана послевоенных действий. Саддам Хусейн – суннит, и хоть большинство населения Ирака шииты (65%), власть в стране на протяжении столетий находилась в руках религиозного меньшинства. Собственно, речь идет о двух направлениях в исламе, представителей которых (при отсутствии внешних врагов) можно рассматривать как противоборствующие силы. Ситуация меняется, стоит этим силам столкнуться с претензиями иных конфессий на управление страной: разногласия исчезают, против иноверцев они выступают единым фронтом. Третья по значению составляющая населения Ирака – курды. В том случае, если в Ираке состоятся свободные демократические выборы, шииты получат большинство, после чего Ирак будет превращен в «религиозное государство» по образцу Ирана. Такое развитие событий вряд ли встретит понимание

среди суннитов и курдов, которые попытаются вовлечь страну в гражданскую войну, целью которой станет восстановление существующего положения. Ввиду уже имеющихся в наличии и относительно закрытых для проникновения извне территорий, которые заселены курдами, наименее болезненным представляется раздел страны на три отдельных государства. Но Турция уже заявила о готовности ввести свои войска в Ирак: терпеть независимое государство курдов турки не намерены. В этой связи возникает угроза геноцида; в том, что у Турции имеется необходимый опыт для его проведения, сомневаться не приходится: достаточно вспомнить события первой мировой войны и историю уничтожения армян на территории этой страны. Да и курды вряд ли станут терпеть угнетение – уже сейчас их освободительная борьба в Турции идет полным ходом. Такой сценарий, вызванный межконфессиональными разногласиями, грозит превратить в театр военных действий уже весь мир. Более того, представители шиитов и суннитов в ряде иракских городов – в Багдаде, к примеру – связаны друг с другом настолько тесно, что безболезненное разделение страны на несколько независимых регионов (каждый со своими региональными элитами) окажется весьма проблематичным. Таким образом, падение Саддама – это только начало хаоса. Умение американцев в этой ситуации организовать работу нефтедобывающей промышленности действительно так, как они того желают, выглядит более чем спорно. По крайней мере, объемы добычи на сегодняшний день меньше, чем до начала войны. Для того, чтобы эксплуатировать запасы нефти в одиночку (при незначительном участии англичан), и избежать возможных претензий со стороны стран-кредиторов, которые могут потребовать от американцев выплаты долгов Ирака в счет добычи иракской нефти, США выдвинули им условие, в соответствии с которым те обязаны отказаться от всех возможных претензий в этой связи; правительство Германии, кстати, уже объявило о своей готовности пойти навстречу Соединенным Штатам.

Независимо от финансовых последствий войны в Ираке, ее последствия в конфессиональном плане имеют более важное значение. Агрессия против Ирака была вызвана не только желанием США взять под контроль естественные ресурсы этой страны, но и стремлением всемерно ослабить, а в дальнейшем и полностью лишить атрибутов государственности мощнейшую – наряду с Израилем – страну арабского мира (об этом было заявлено отцом нынешнего президента еще в ходе первой иракской кампании). В последнее время благодаря целому ряду публикаций стало понятно, что уже до событий 11 сентября «неоконсерваторы» требовали проведения силовых акций не только в отношении Ирака, но и в отношении Сирии и Ирана. Понятие «неоконсерваторы» употребляется этими деятелями по отношению к самим себе: делается это, очевидно, с тем, чтобы отвлечь наше внимание от их истинных намерений. В действительности, речь идет об иудеосионистских идеологах Америки (таких как Перл и Вулфовиц) работающих редакторами авторитетных журналов, окопавшихся в стенах Государственного департамента и главного военного ведомства США. Их цель – вывести Америку на тропу военной экспансии – далеко не всегда находит отклик в традиционно консервативных кругах этой страны, которые не рассматривают удовлетворение имперских амбиций Америки в качестве приоритетной задачи. В отличие от последних,

«неоконсерваторы» видят своей целью распространение американского влияния на весь мир, проще говоря, речь идет о всемирной гегемонии США и тех сил, которые определяют курс американского империализма. При Клинтоне их милитаристским амбициям не суждено было сбыться: войны, о необходимости которых они говорили, не были начаты. Буш – христианский фундаменталист, каждое утро полчаса уделяющий молитве, в курсе, разумеется, основных положений Старого Завета, в соответствии с которыми библейский Бог – Бог иудеев и христиан – завещал своему избранному народу под заселение не только всю Палестину, но и значительную часть Иордании, Сирии и Ирака. Вот почему США оказывают финансовую помощь Израилю (многие миллиарды долларов год за годом), которая идет на обустройство еврейских поселений в оккупированной более сорока лет назад Палестине; на этнические чистки, которые проводит правительство Израиля, убийства палестинцев и их лидеров Америка смотрит сквозь пальцы, без осуждения, а вот при обсуждении резолюций ООН по этим вопросам США регулярно использует право вето, тем самым блокируя их принятие. Правоверные христиане Америки вызывают к себе ненависть уже не только у арабов, которые каждый день становятся свидетелями преступлений израильтян, но и у мусульман во всем мире. США (как и Израиль) обладают мощным военно-техническим потенциалом – победа над ними в ходе «обычной войны» вряд ли возможна. Арабы в этой ситуации используют ту тактику борьбы, которую всегда применяли народы, находящиеся под гнетом завоевателей: ударить там, где противник менее всего защищен, а количество жертв с его стороны значительно превзойдет собственные потери. Когда народы Африки вели борьбу за независимость, структуры, которые занимались этой борьбой профессионально, именовались на Западе не террористическими организациями, но движениями за независимость. И так было везде: в Кении, Родезии, Алжире, Южной и Юго-Восточной Африке. Чем же занимались эти структуры? В общем-то тем, что сейчас повсеместно принято обозначать словом «терроризм»: уничтожением белого гражданского населения. Так Всемирный Совет Церквей (включая и церкви Западной Германии) оказывал значительную финансовую помощь организации СВАПО, которая истребляла семьи немецких колонистов на территории сегодняшней Намибии (бывший германский протекторат). Не секрет, что черному населению, которое стонало под пятой колониализма, в целом жилось лучше тогда, а не теперь, когда оно свободно. И это несмотря на многомиллионные вливания, которые осуществляли отцы церкви в «освободительное движение». То же самое можно сказать и о сегодняшнем дне Палестины, которую оккупировали израильтяне: коренному населению там приходится не сладко. Для достижения своих целей террористические организации Африки не использовали смертников – по сравнению с палестинцами, положение негров было недостаточно отчаянным. И все-таки, палестинских боевиков называют террористами, а не участниками освободительного движения. Почему? Очевидно, дело тут в том, что теперь под ударом оказался такой народ, который с точки зрения церкви обладает особым статусом: богоизбранных нельзя критиковать. Все, что они делают – правильно, имеет божественное оправдание и предопределено свыше. Палестинцы же обязаны терпеть и грабежи, и насильственные переселения, и лишение гражданских прав, и массовые убийства, и этнические чистки – ведь в Старом Завете есть предсказания на этот счет.

Предвзятость христиан Запада ведет к тому, что ненависть, направленная в первую очередь против Израиля, распространяется и на Америку, руководимую иудо-христианами с их ментальностью крестоносцев; а в широком смысле – и на всех тех, кто словом и делом содействует воплощению в жизнь их планов. Громкие заявления испанского премьер-министра Азнара о необходимости войны в Ираке (и отправка туда оккупационных войск) привели к тому, что по Испании прокатилась волна терактов. Легко представить, что если Германия так же рьяно поддержит курс Соединенных Штатов, эта волна докатится и до нас. Вот почему нам следует раз и навсегда уяснить: те, кто для одних террористы, для других – борцы за свободу; невозможно победить терроризм, не устранив корни этого явления. Причина террора – это не Аль-Каида, не организация ХАМАС. Даже если полностью разгромить эти структуры, на смену им придут другие. Причина террора в преступной, человеконенавистнической политике, которую сионисты проводят на Ближнем Востоке, причина террора в стремлении США переделать мир под себя. Предыстория и подлинные мотивы терактов (будь то удары по Израилю, Америке или Испании) замалчиваются сегодня точно также, как замалчиваются предыстория и подлинные мотивы нападения Германии на Польшу в 1939 году; а ведь еще до начала боевых действий многочисленные представители коренного немецкого населения были либо просто изгнаны со своих земель, либо подвергались притеснениям и физическому уничтожению со стороны польских властей. Не было бы никакого 11 сентября, если бы Америка не покрывала преступления израильтян, которые совершают их при попустительстве и мощнейшей финансовой поддержке со стороны своих заокеанских союзников – в Америке не принято задумываться об этом, а СМИ об этом попросту молчат, точно также, как не принято задумываться о том, что не было бы никакого Перл-Харбора, если бы Рузвельт не конфисковал активы японских компаний, не блокировал поставки сырья и не вводил санкции против этой страны, требуя затем «извинений» от гордого японского народа. События следует рассматривать не точечно, но во взаимосвязи, в последовательности их развития – ведь это не пунктирная линия. Только тогда можно говорить об их объективной оценке. Насколько американцев не любят, видно даже в том, что шииты требуют теперь скорейшего вывода американских войск из страны (а ведь усилением своих позиций они обязаны именно англо-американской агрессии). На этом примере, кстати, заметна и та степень неприятия, с которой – независимо от политических целей и приоритетов – относятся в Ираке к немусульманам.

Если бы президент Буш был склонен к чтению (а такой склонности, по его словам, у него нет), то прежде, чем ввязаться в иракскую авантюру, ему обязательно следовало прочесть книгу своего соотечественника Самюэля Хантингтона (который, несмотря на еврейское имя – не еврей) «Столкновение цивилизаций и переделка мирового порядка» (1996). В ней автор рассуждает о столкновении различных цивилизационных типов и, в особенности, об опасности взаимопроникновения их центральных элементов. И хотя в немецком переводе книга имеет название «Борьба культур», по мере чтения становится совершенно ясно, что проблемы, которые рассматривает Хантингтон, имеют отношение прежде всего к конфликтам, вызванным межконфессиональными противоречиями. Более того, на примере

войны в Югославии автор убедительно показывает, что сербы и хорваты, относясь к схожему цивилизационному типу (родство культур и языка), имеют различную конфессиональную принадлежность (православие и католицизм), что и является подлинной причиной вражды между ними. Границы, разделяющие различные цивилизационные типы – или, как их называет Хантингтон, «демаркационные линии» – все чаще совпадают с конфессиональными и религиозными границами. В доказательство своих слов он приводит обращение Афин к спартамцам о невозможности союза с персами ввиду их иного кровного, языкового и конфессионального тождества. Далее он делает вывод о том, что «кровь, язык, религия, образ жизни объединяли греков и отличали их от персов и других не греков. Однако, как это подчеркнули афиняне, из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, важнее всего бывает религия. Главные цивилизации человеческой истории обычно прочно связывали себя с великими мировыми религиями; народы с той же этничностью и языком, но разными религиями способны на братоубийство, как это случилось в Ливане, бывшей Югославии и в Индостане». Автор, очевидно, решил не подливать масла в огонь – а это могло случиться, назови он свою книгу острее, скажем, «Борьба религий» – но, в конечном итоге, все упирается именно в этот вопрос. В целом, Хантингтону нужно отдать должное: учитывая, что автор американец, книга его поразительно ценная в познавательном отношении и свободная от предрассудков.

И хотя он не цитирует немецкого профессора Карла Шмитта, для которого суть любой политической проблемы – это характер и тип отношений в рамках социокультурной оппозиции «свой-чужой», многие их мысли созвучны. Как писал Шмитт в своем романе о венецианцах: «Без настоящих врагов нет настоящих друзей! Если мы не ненавидим то, чем мы не являемся, мы не сможем полюбить себя такими, какими мы есть. Все это старые истины, которые нам с болью, после сентиментальной жвачки последних ста лет, приходится сегодня открывать для себя заново. Тот, кто не признает этих истин, отрекается от своей семьи, от своего наследия, от своей культуры, от своих врожденных прав, отрекается от самого себя!». Его основные тезисы следующие: модернизация не в состоянии создать какую-либо новую культуру или культуру универсального типа; вестернизация западных обществ не приводит к изменению цивилизационного типа этих обществ. Более того, нарушается баланс сил между различными цивилизациями, Запад теряет свое относительное влияние, цивилизации Азии, напротив, усиливают хозяйственную, военную и политическую мощь, а ислам переживает демографический взрыв. При этом западные общества постоянно и осознанно подчеркивают свои собственные основополагающие ценности, свое тождество и самодостаточность. Общества, связанные «культурным родством», стремятся к сотрудничеству, попытки же изменить центральный тип той или иной цивилизации изначально обречены на провал. Универсалистские устремления западной цивилизации, уменьшение ее относительного могущества, все большая культурная независимость других цивилизаций – это те факторы, которые постоянно и неизбежно осложняют отношения между Западом и, прежде всего, исламскими государствами и Китаем. Войны, ведущиеся по линии демаркационных разломов (в основном между мусульманами и не мусульманами), несут в себе не только опас-

ность дальнейшей эскалации, но и стремление со стороны государств, которые определяют цивилизационный тип исламского мира, локализовать и завершить эти конфликты. Вопрос выживания Запада зависит от того, смогут ли американцы подтвердить свое западное тождество, сможет ли цивилизация Запада смириться с тем, что ценности, которые она исповедует – единственные в своем роде, но ни в коей мере не универсальные – нуждаются в защите, смогут ли западные общества договориться и защитить эти ценности, отвечая на вызовы остального мира. Противостояние культур возможно избежать в том случае, если сильные мира сего окажутся в состоянии принять и следовать такой политике, которая сможет учитывать «чуждость» представлений и ценностных систем, свойственных иным цивилизациям.

Вывод, к которому приходит автор, прост: «Национальные государства остаются главными игроками на мировой арене». То, что очевидно всякому, кто воочию наблюдал пробуждение национального сознания в странах Азии, Африки, в Советском Союзе, наш местный федерально-республиканский интернационал, озабоченный идеей евроинтеграции, замечать просто не желает.

Часть вторая

Хантингтон не считает, что положение, в котором оказались Запад и США, безвыходно, в то же время оно, по его мнению, достаточно тревожно. Решение он видит в следующем: «Когда речь идет о борьбе культур, Америка и Европа должны объединить свои усилия. В противном случае нам грозит неминуемый крах».

Здесь я придерживаюсь другого мнения. Выскажу его, однако, после того, как мы рассмотрим две оставшиеся книги. Первая из них, «Единственная сверхдержава» (1997), принадлежит перу Збигнева Бжезинского (американец польского происхождения, в 70-е годы советник президента Картера по вопросам национальной безопасности). Вторая написана французским евреем Эммануилом Тодтом и называется «Сверхдержава США – некролог» (впервые опубликована во Франции в 2002 году, переведена на немецкий в 2003 году). Свое мнение о книге Бжезинского Хантингтон сформулировал так: «Это образец геостратегического мышления в лучших традициях Бисмарка». Министр иностранных дел Германии Геншер, проработавший на этом посту многие годы, написал к этой книге предисловие. Как бы то ни было, те причины, которые приведут США к потере занимаемой ими ныне роли сверхдержавы, Бжезинский, по моему мнению, осветил недостаточно полно. Он прав, когда говорит о том, что окончание европейской эпохи в мировой истории совпало с окончанием второй мировой войны. Такое развитие событий, впрочем, предсказывал еще Адольф Гитлер, что не помешало, однако, британским правящим кругам 3 сентября 1939 года объявить Германии войну и, тем самым, поставить на карту само существование Британской империи. Премьер-министр Чемберлен, оттягивая этот момент, высказывался так: «Америка и мировое еврейство втянули Англию в войну». Затем мировые события проходили под знаком противостояния двух систем: американской и советской. Ввод советских войск в

Афганистан вызвал, по словам Бжезинского, «двухколейную реакцию» со стороны США: с одной стороны, началась прямая поддержка моджахедов (Усама бин Ладен, как известно, получал тогда от американцев оружие), с другой – и в качестве меры устрашения – Америкой был взят курс на усиление своего военного присутствия в Персидском заливе. Такая интерпретация фактов автором не вполне корректна. Дело в том, что американцы укрепились в Афганистане задолго до ввода туда советских войск. Усиление их позиций в регионе и послужило, собственно, той причиной, по которой русские, после долгих колебаний, решились на ответный шаг. Камнем преткновения стал, как и в ходе нынешней афганской кампании, вопрос о том, кто диктует правила игры в регионе, и в чьих руках находится добыча минерального топлива: нефти и газа. Это становится понятным, если мы обратим внимания на те цифры, которые Бжезинский приводит в своей книге: в развитие нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Азербайджана Запад (читай: США) вложил больше 13 млрд. долларов, в Казахстане эта сумма составила на 1996 год 20 млрд. долларов; помощь Чечне американцы оказывают единственно с тем, чтобы выбить у русских почву из-под ног, когда речь заходит о контроле над нефтью. Бжезинский признает, что политическая нестабильность заложена в природе любого крупного государственного образования, составные части которого всегда стремятся к еще большей автономии: игра центробежных сил и приводит, как правило, к его неминуемому развалу. Мощь мировых империй покоится на иерархии подчиненных государств, которые, находясь по отношению к центру либо на положении вассалов, либо на положении протекторатов и колоний, платят ему дань. Приятно слышать от автора следующее: «Факт остается фактом: Западная, а в последние годы и Центральная Европа все в большей степени становятся протекторатом США со всеми вытекающими отсюда последствиями, как-то: вассальная зависимость, неизменные контрибуции...». Забавно, но эти его откровения выставляют наших христианских демократов с их попытками наладить добрые, партнерские отношения с заокеанским сюзереном в весьма невыгодном свете. Полезно взглянуть и на те географические карты, которые автор приводит в своей книге: из них следует не только факт превосходства Соединенных Штатов на море, но и то, что Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия находятся теперь, как оказывается, в сфере жизненно важных интересов Америки – те государства, одним словом, которые мы испокон веков относим к сфере влияния России. Тот факт, что американцы задают тон в мировых делах, является, по словам Бжезинского, благословением для мира: иначе мы бы не узнали, ни что такое подлинная демократия, ни что такое настоящий порядок, мир, покой и экономическое процветание. К счастью, для Америки Евразия слишком велика, чтобы здесь можно было создать монолитный в политическом и экономическом смысле конгломерат.

После того, как Бжезинский выяснил, что в Евразии проживает около 75% всего народонаселения планеты, а также того, что ее недра богаты полезными ископаемыми, он делает следующий вывод: «Евразия – это та шахматная доска, на которой в будущем развернутся битвы за мировое господство». США прилагают значительные усилия по вовлечению центральной части материка, которая традиционно тяготеет к России, в орбиту интересов Запада; в его южной и, условно говоря, исламской части должно найтись достаточно места и для других игроков. Если страны дальневосточного региона не объединятся вокруг Китая (что приведет к потере американцами их военно-морских баз на восточноазиатском побережье), у США может что-то и получиться. В противном случае объединившиеся вокруг «восточного игрока» (читай: Китая) страны дадут Америке отпор, после чего она неизбежно теряет свое преимущественное положение в регионе. Размеры и многообразие Евразии, а также та мощь, которой обладают ведущие государства региона – вот те факторы, которые в состоянии реально ограничить влияние США на происходящие здесь события. В этих обстоятельствах от исполнителей требуется особая «геостратегическая ловкость», которая на практике означает умение сталкивать противников лбами. Здесь следует заметить, что именно этим Штаты постоянно и занимаются. С одной стороны, они оказывают массивную военную помощь соседям бывшего Советского Союза, вызывая тем самым вражду между ними; похожий сценарий разыгрывается в странах Балтии, в Румынии и Болгарии. Запад в этой ситуации – а значит и НАТО – должны выступать против России единым фронтом, а возникающие трения в регионе обременять диалог между Россией и Западной Европой.

Проблема видится Бжезинскому и в том, что демократия, как форма государственного правления, противоречит интересам «имперской мобилизации». Причина этого – низкая готовность населения к самопожертвованию и лишениям в случае войны. Его мнение совпадает здесь с тем, что говорил Хантингтон: «Национальные государства остаются главными игроками на мировой арене». Америка – оплот демократии – многого не может себе позволить, когда речь заходит о свободе действий; в евразийском контексте это требует, по словам автора, «тактически выверенного и решительного обращения с лабильными в геостратегическом отношении странами». При этом основные геополитические императивы должны выглядеть так: «Не допускать переговоров между вассалами, их безопасность должен контролировать сюзерен; платящие дань страны следует держать в покорности, их следует защищать, и заботиться о том, чтобы они не могли договориться между собой». По мнению Бжезинского, основные игроки в Евразии: Франция, Германия, Россия, Китай и Индия; Великобритания, Япония и Индонезия – хотя и имеют определенный вес – до них не дотягивают. Поворотные точки и осевые на евразийском плацдарме – это Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран. Франция и Германия достаточно сильны, чтобы играть заметную роль в границах обширного ареала, обе страны охотно выступают в роли посредника, когда сталкиваются европейские интересы и интересы России. Великобритания, напротив, с момента своего «относительного упадка» больше не может играть роль арбитра в европейских делах, на европейской сцене Лондон разоружился, так сказать, полномасштабно. В то же время, Великобритания и по сей

день остается важнейшей опорой и наиболее лояльным союзником США в Европе, важной стратегической базой и незаменимым партнером в щекотливых операциях ЦРУ: «Дружбу Англии следует беречь, но большего она не заслуживает. Англия – актер, который покинул геополитическую сцену и поживает на лаврах. А в это время тон в европейском спектакле задают Франция и Германия». Несмотря на те трудности, которые Россия испытывает сегодня, списывать ее со счетов нельзя: Россия по-прежнему играет в высшей геополитической лиге. Это, без сомнения, относится и к Китаю, который считает себя «центром мира». Япония могла бы иметь огромное политическое влияние, но японцы – несмотря на экономическую мощь своей страны – избегают таких притязаний. Возможно, это связано с тем, что многие государства азиатского региона и после окончания второй мировой войны по-прежнему опасаются возвышения островной империи. Америка не имеет права забывать об этом. Бжезинский поясняет, что без Украины Россия перестанет быть евразийской державой, в равной степени это верно и в отношении Азербайджана, и той роли, которую он играет в Центральной Азии для «радостей и горестей» России. Знаменательно, что оба эти государства Бжезинский относит к сфере национальных интересов США. Южная Корея, несмотря на свои относительно небольшие размеры, в состоянии успешно противостоять Японии, даже если речь пойдет о военном конфликте.

Со времен Кеннеди США клянутся в равноправном партнерстве, но его как не было, так и нет. Отношения с Ираном и Ираком для США – это «не отношения с равноправными партнерами, которые вместе решают спорные вопросы, но отношения начальника и подчиненных, нарушивших субординацию». Принимая во внимание особенности политики по-французски, американцы всегда предпочитали ей (вплоть до эпохи Шредера) господство Германии на европейском континенте, а Франция, со своей стороны, стремилась к сотрудничеству с Россией и Великобританией. Строительство единой Европы грозит американцам «неизбежной потерей своего господствующего положения в рамках этого союза». Иными словами: тесное сотрудничество европейцев друг с другом не в американских интересах.

Бжезинский понимает, что республики бывшего СССР, ставшие теперь независимыми, представляют собой потенциальную опасность; арабо-израильское противостояние также чревато возможными столкновениями, которые, при условии усиления исламского фундаментализма, могут ослабить влияние прозападных режимов в регионе, что, в свою очередь, негативно отразится на той роли, которую в регионе играют США: «Исламским фундаменталистам недостает политической сплоченности и покровительства со стороны по-настоящему могущественного исламского государства. Это те составляющие, без которых центральный элемент движения фундаменталистов не сможет оформиться, а громкие призывы к борьбе не будут услышаны, превращаясь повсеместно в случайные, разрозненные и неконтролируемые вспышки насилия».

Становление Китая как великой мировой державы, по словам автора, – «коренная геостратегическая проблема». Готова ли Америка признать новую роль этого государства в мире? Какие новые союзы могут противопоставить себя главенствующей роли США? «Наиболее опасный сценарий – это возникновение союза между Китаем, Россией и, возможно, Ираном. Союз, в основе которого будет лежать не идеология, но глубокая неудовлетворенность его участников существующим положением. Такой союз напечалит нас времена советско-китайской дружбы с той, впрочем, разницей, что ведущую роль в нем на этот раз будет играть Китай, а Россия выступит его верным союзником». Мрачные перспективы сулит американцам и союз Китая с Японией; политика США на Дальнем Востоке, если она нацелена в будущее, должна «всеми силами противиться возникновению оси Пекин-Токио». Следует учитывать возможность возникновения новых ориентиров и в Европе: опасность здесь могут представлять договоренности между Россией и Германией, а также между Францией и Россией. Прецеденты в истории имеются. Возникнуть такие союзы могут в случае обострения противоречий внутри Евросоюза, а также в случае роста напряженности между Европой и США.

Для Бжезинского Европа – «естественный союзник» Америки, причина тому: общие культурные и конфессиональные ценности (по этому вопросу я уже высказал свое мнение выше); политическая система Европы зиждется на принципах демократии, Европа – родина многих американцев. Объединение Европы, в случае его удачного завершения, означало бы создание геополитического образования с населением в 400 млн. человек – это «автоматически сделало его мировой державой».

Такой взгляд автор в корне неверен. В отличие от США, которые спаяны единством языка, Европа несет на сегодняшний день ощутимые потери, вызванные процессом объединения: экономики слаборазвитых членов Евросоюза тяжелым бременем ложатся на плечи всех его участников, что в недалеком будущем может привести не только к экономическому краху всей системы, но и к потере Европой своего политического могущества.

Знаменательно и то, что Европа, по словам Бжезинского, – «важнейший плацдарм Америки на европейском континенте». Сохранение американского влияния в Европе напрямую связано с сохранением здесь довлеющего положения США.

Далее Бжезинский замечает: «Для Франции возрождение Европы означает ее собственное возрождение, для Германии новая Европа – это спасение». Франция верит в то, что она может главенствовать в европейских делах; еще в 1995 году слова французского премьера в Национальном собрании о том, что Франция «может и должна подтвердить свою роль мировой державы», были встречены аплодисментами. Бжезинский: «И все же, если Франция желает определять будущее Европы, она должна не только учитывать интересы Германии, но и держать ее на коротком поводке. При этом Вашингтон должен шаг за шагом сокращать свое вмешательство в европейские дела». Германия хорошо знает границы французской мощи, экономически Франция намного слабее своего северного соседа, а ее

военный аппарат не особенно эффективен: «В Европе Франция представляет собой величину средних размеров». Объединение Германии выдвинуло страну «на ведущие роли в европейских делах, сделав ее, в то же время, мировой державой – это факт, который не подлежит сомнению прежде всего из-за размеров тех денежных средств, которые ФРГ расходует на содержание важнейших международных организаций» (от себя замечу: какой странный ход мысли!). Здесь следует заметить, что на долю нашей страны приходится 28,5% общего бюджета ЕС, 22,8% бюджета НАТО и 8,93% бюджета ООН. Мировой банк и Банк содействие и развития финансируются за счет Германии практически полностью. По этой причине Франция снова вернулась в ряды НАТО (от себя замечу: как говорил первый главнокомандующий сил НАТО, задача этой организации состоит в том, чтобы, фигурально выражаясь, не выпускать американцев наружу, русских не пускать внутрь, а немцам не дать подняться). Замечательно, по мнению автора, и то, что Германия, отзываясь на «настоятельные просьбы Соединенных Штатов», признала наконец границу с Польшей по линии Одер-Нейсе окончательной и не подлежащей пересмотру. Главную задачу европейской политики США Бжезинский видит в осуществлении европейской интеграции, в противном случае «Германия или Россия» обязательно найдут повод для удовлетворения своего геополитического тщеславия: «Тогда Германия наверняка будет тверже и последовательней отстаивать свои национальные интересы». Если Германия, как это и было в средние века, вновь сумеет главенствовать в Европе, Америке придется покинуть этот плацдарм или, по крайней мере, пересмотреть его роль трамплина в продвижении глобальной демократической системы в глубь континента. Опасность состоит в том, что укрепление Европейского Союза может сделать его серьезным соперником США как в политике, так и в вопросах, связанных с хозяйственным и научно-техническим ростом. Но: «Замедление процессов европейской интеграции означает неизбежное пробуждение германского самосознания и, следовательно, сдвиг государственных интересов этой страны в сторону национально более внятно выраженных приоритетов». Иными словами: Германия должна быть прочно пристегнута к общеевропейскому дому, иначе немцам может прийти в голову идея защиты своих собственных национальных интересов, а не интересов этого образования, на жизнеобеспечение которого уже сегодня идет львиная доля народного достояния страны. Вот и Польшу зовут в НАТО: она необходимый противовес (наряду с Францией) той «ведущей роли, которую Германии играет в Европе». США вынуждены идти на уступки в своих делах с Францией. И это понятно, ведь Франция – важный партнер Америки в деле превращения демократической Германии в долгосрочного и надежного члена европейского сообщества. С другой стороны, Франция не обладает тем потенциалом, который позволил бы ей серьезно противопоставить себя геополитическим амбициям США. Слабость Франции – это та причина, по которой Америка терпимо относится к особенностям французской политической кухни. Господствующее положение Германии неоспоримо, и все же: «Европа, строительство и руководство которой осуществляется из Берлина, немислима ни при каких условиях». Строители европейского дома не должны обращать внимание и на те окрики, которые порой раздаются из Москвы. Ведь на карте – позиции Америки в регионе, которые она не собирается сдавать. В этом деле первостепенное значение отведено дальнейшему расширению НАТО (которое на

сегодняшний день уже состоялось). Украине придется занять особое положение в треугольнике Польша-Германия-Франция, при этом Европа должна вернуться ко временам Версаля (замечу: диктат версальских соглашений с его закабалением, лишением прав, разграблением Германии и 6 млн. безработных немцев – это то, что мы хорошо помним до сих пор!).

Бжезинский признает, что крах Советского Союза стал основной причиной ослабления России, в особенности это относится к Украине и тем южным республикам бывшего СССР, которые не страдают ныне от недостатка «предприимчивых западных инвесторов, готовых вкладывать деньги в их нефтедобывающую промышленность». Для русских угроза возможных конфликтов с исламскими государствами – это серьезное основание для беспокойства по понятным причинам: ведь считая с Турцией, Ираном и Пакистаном, которые расположились вдоль южных рубежей страны, это более 300 млн. населения. В Азии в подбрюшье России напирает Китай. Полностью деморализованное американскими лозунгами о стратегическом партнерстве между Москвой и Вашингтоном, руководство времен Ельцина делало ставку на возможность обоюдного американско-российского господства. В этой связи Бжезинский сдержанно замечает: «Слова о полноценном стратегическом сотрудничестве были в равной степени лестными и ложными для России. Америка никогда не испытывала склонности к разделению своего могущества с этим государством, возможность такого разделения никогда не следовало расценивать как вероятную. Помимо этого, вектор интересов США и России в некоторых геостратегических вопросах – в особенности в тех регионах мира, включая Европу, Ближний и Дальний Восток, которые Америка относит к сфере своих национальных интересов – имеет подчас диаметрально противоположную направленность». В России сложилось мнение, что подобная формула сотрудничества между двумя странами имела целью одно: ввести русских в заблуждение. Такое убеждение привело к тому, что апологеты американско-российской дружбы в российском политикуме (включая адептов свободного рынка, общечеловеческих ценностей и проч.) не смогли на последних выборах в Думу преодолеть 5%-ый барьер. Расширение НАТО на Восток лишь усилило сомнения русских в искренности Запада. Бжезинский указывает на то, что кое-кто в Министерстве иностранных дел и среди военных до последнего был убежден, что «Америке нечего искать в Евразии, а расширение НАТО связано исключительно со стремлением США расширить сферу своего влияния». Впрочем, критиковать здесь русских, как мне кажется, нельзя из-за очевидной абсурдности самих обвинений; задумаемся: американцы, которые сами когда-то выдвинули, а теперь последовательно проводят в жизнь доктрину Монро, согласно которой главенствующую роль на американском континенте должны играть США, теперь сами, когда речь заходит о сферах влияния России (включая и те государства, которые ранее входили в состав СССР), подвергают русских беспощадной критике. Начиная самое позднее с 1994 года, в фокусе интересов США все больше оказывается американско-украинское сотрудничество: проводятся даже совместные учения вооруженных сил этих стран. К этому надо добавить (и Бжезинский это делает), что во времена Советского Союза в стране был создан единый народно-хозяйственный комплекс, элементы которого существуют и по сей день – после распада СССР в границах отдельно взятых независимых госу-

дарств. Этот простой факт объясняет те интересы, которые русские имеют в этом регионе. Но сотрудничество в рамках СНГ, как говорится, не заладилось. После этого Россия начала сближение с Китаем и, в меньшей степени, с Ираном, которому она, помимо прочего, покровительствует политически. Знаковым в этом смысле стало выступление Путина в Бундестаге: руководитель России открыто призвал немцев покончить со своей ролью вечных «без вины виноватых», которые до бесконечности искупают ошибки прошлого; вместо этого немцам, по словам Путина, следует проводить самостоятельную политику, направленную, прежде всего, на защиту национальных интересов Германии. К сожалению, этот призыв остался без ответа. Но вот началась вторая иракская компания, и дело пошло: к Германии, которая первой высказалась против американской агрессии в Ираке, подключились Париж, Москва и Пекин – вся Евразия выступила единым фронтом. После того, как США в одностороннем порядке вышли из договора о противоракетной обороне (шаг, последовавший за проведением успешных испытаний новых противоракет, разработку которых Америка продолжала в тайне ото всех), не только Россия, но и Китай подвергли этот «маневр» американской стороны острейшей критике. Когда речь заходит о необходимости ослабления России, Бжезинский формулирует сжато: «Независимость Азербайджана – это залог того, что Запад получит неограниченный доступ к запасам минерального топлива, которые скрыты на дне Каспийского моря и в недрах Центральной Азии». Понятно, что говоря о «Западе», автор имеет в виду Соединенные Штаты. А по поводу национально сознательного узбекского руководства, которое не стесняется закрывать детские сады, в которые русские отдают своих детей, мы слышим следующее: «Для Соединенных Штатов, которые проводят в Азии политику, направленную на ослабление России, такая позиция представляется в высшей степени привлекательной». Из-за того, что исламские государства бывшего СССР проводят политику дискриминации славян, Россия поддерживает христиан Армении, выступая в конфликте вокруг Нагорного Карабаха на их стороне, а ведь это, без сомнения, религиозная война. В то время, как за пределами России, в бывших советских республиках Средней и Центральной Азии, в чуждой для них мусульманской среде проживает до 9,5 млн. русских, в самой России насчитывается до 20 млн. мусульман, что составляет уже примерно 13% всего населения – эти 13% становятся все в большей степени обузой и дестабилизирующим фактором внутренней жизни страны (см. Чечня). Помимо прочего, мусульмане весьма плодовиты – это меняет общую демографическую ситуацию в России не в пользу русских.

Что касается Турции, то единого мнения о том, что она собой представляет и куда идет, в стране нет: модернисты видят в ней европейское государство и тяготеют к Западу; исламисты склонны двигаться в направлении Ближнего Востока с его обществом стран, исповедующих ислам, их взоры обращены на Юг; исторически мыслящие националисты видят в тюркских народах Каспия и Центральной Азии тот необходимый ресурс, который, после необходимой миссионерской обработки, может стать гарантией превращения страны в ведущую силу региона, поэтому они смотрят на Восток.

Бжезинский напрямую заявляет, что в постсоветской Евразии США выступают в роли «подпольщика, который всегда готов нанести удар в спину», и это по одной единственной причине: Америку интересуют не только (и не столько) «запасы минерального сырья в регионе», сколько та роль, которую в геополитическом смысле здесь может начать играть Россия – изменение расстановки сил в пользу русских Америки и стремиться предотвратить всеми доступными ей средствами. «Помимо прямых геостратегических целей США имеют в Евразии совершенно определенные экономические интересы, которые постоянно растут и требуют поэтому прямого доступа к тем точкам в регионе, которые ранее для Запада были недоступны». Речь идет о том, кто быстрее «загребет экономические и геополитические барыши». Америка слишком мощна, чтобы «беспристрастно наблюдать» за происходящим. Поэтому основная цель Америки – это «безраздельное и неограниченное владычество в регионе» (от себя замечу: интересно, что сказали бы американцы в ответ на заявления русских о том, что США не имеют права безраздельно властвовать в Южной Америке?). «Вот почему усилия русских воспрепятствовать нам в достижении наших целей не могут быть нами приняты».

В отношении Китая Бжезинский справедливо замечает, что на протяжении столетий эта цивилизация во многих областях демонстрировала высокий уровень развития, китайский народ горд, его культура – своеобразна. Унижения последних 150-ти лет многие китайцы воспринимают как личное оскорбление, как вину, которую обидчики должны искупить. В числе виноватых: Великобритания с ее опийными войнами, в которые англичане втягивали Китай, затем Япония и Россия, на счету которых захват, грабеж и раздел китайских территорий, и, в конечном итоге, США, всеми силами поддерживавшие Тайвань в ущерб континентальному Китаю. Великобритания и Россия уже наказаны, неясной остается ситуация с Америкой и Японией. В течении двух десятилетий Китай может превратиться в экономическую силу, сравнимую с США. Предпосылки, которые необходимы для этого, ясны: взвешенное и спокойное руководство страной, стабильность в границах самого Китая, общественная дисциплина и сохранение высокого уровня общественных вкладов, приток иностранных инвестиций и стабильность в регионе. Бжезинский поясняет, что одновременное сохранение всех этих условий проблематично (замечу: на протяжении семи лет, которые прошли с момента публикации его книги, китайцам удавалось это сделать). Соперничество между Китаем и Японией неизбежно: оба государства стремятся к господству в регионе. Бжезинский пишет об этом так: «Германию связывает по рукам членство в НАТО, Японию, напротив, сдерживают положения ее собственной Конституции (пусть даже и написанной на Капитолийском холме) и те соглашения по безопасности, которые страна имеет с Америкой. Оба государства необычайно мощны в хозяйственном и финансовом отношении, они играют ведущую роль в региональных делах и могут задавать тон на мировой арене. Мы вправе рассматривать их в качестве мировых держав, но тот факт, что они не обладают постоянным местом в Совете безопасности ООН необычайно раздражает их – это именно то признание мирового сообщества, которого им так недостает». В отличие от Германии, Япония находится, если брать азиатский регион, в политической изоляции. Возвышение Китая неизбежно поставит японцев перед дилеммой: либо поддержать американцев в их де-

ле борьбы с Китаем, либо налаживать с китайцами добрососедские и партнерские отношения.

Восхищает то, с какой легкостью автор рассуждает о защите различными государствами (за исключением, пожалуй, Германии) своих национальных интересов. Бжезинский искренне верит в то, что Америка сохранит свою роль «мирового жандарма» при любых условиях; его аргумент прост: функция США на мировой арене, которая на протяжении целого поколения оставалась неизменной и неподсудной (а исполнители – неприкасаемыми) не будет изменяться и в будущем; более того, именно такое положение вещей делает американцев, по словам Клинтона, «незаменимой нацией». В то же время, Бжезинский учитывает возможность возникновения непредвиденных обстоятельств, еще могущих изменить расстановку сил коренным образом. К ним он относит, например, массовую безработицу в странах Европы, которая вызывает рост ксенофобии в Германии и Франции уже сейчас, а в будущем непременно отзовется «ростом шовинистических настроений и поворотом вправо» на политической сцене этих стран. Во избежание этого Америка должна и в дальнейшем всемерно поддерживать усилия по строительству Евросоюза. Первый раз в истории в роли по-настоящему мировой державы выступает одно единственное государство, первый раз в истории ареной борьбы за мировое господство становится Евразия, в которой доминирует не евразийское государство. В краткосрочной перспективе задача США заключается в следующем: всеми силами способствовать росту «плюрализма на евразийском континенте» с тем, чтобы «враждебная американцам коалиция, способная поставить главенствующую роль Америки в этом регионе под вопрос, не могла возникнуть». Дела следует вести так, чтобы ни отдельно взятое государство, ни группа государств не смогли не только вытеснить США из этого региона, но и просто взять на себя их роль арбитра в евразийских вопросах. Европа должна объединиться и набраться сил, но лишь в той степени, которая допустима с точки зрения американских интересов: соперничество между Америкой и Европой – особенно в ближневосточных делах – недопустимо. Далее Бжезинский прозрачно намекает на необходимость разделения России: «децентрализованная Россия», по его словам, будет менее подвержена империалистической пропаганде; слабой, основанной на принципах конфедеративного устройства России, состоящей из «европейской части, сибирской и дальневосточной республик», будет легче найти общий язык со странами Европы, с республиками Средней Азии и государствами Востока (забавно: Америка, которая подчинила себе целый континент, Америка, которая с 1861 по 1865 год вела кровопролитную войну, целью которой стала борьба против независимых штатов, решивших объединиться в конфедерацию, эта Америка советует теперь русским объединиться на принципах конфедеративного устройства!). Качество отношений между США и Россией при этом не имеет никакого значения; важным представляется поддержка независимых республик СНГ в ущерб России, а также такое развитие отношений между республиками бывшего Союза и США, которое неминуемо «откроет их навстречу мировому рынку». Европа не должна ослаблять Турцию – иначе Америка может утратить свое влияние в этой стране: «США должны всемерно способствовать укреплению позиций Турции в европейских делах, следует формировать европейский образ этого государства. Турция,

со своей стороны, должна сохранять верность своему заокеанскому сюзеру, а во внутренней политике избегать шагов, направленных на сближение с исламским миром». Замечу в этой связи: именно такие шаги и предпринимают сами американцы. США заинтересованы исключительно в укреплении своего собственного могущества: недаром Рамсфельд говорил, что американская политика находит поддержку везде, за исключением Кубы, Ливии и Германии (напомню: речь идет о событиях второй иракской войны, участвовать в которой Германия и Франция отказались). Германия, которая (по Бжезинскому) с 1949 года являлась форпостом Соединенных Штатов в Европе, а в 1991 году внесла свою посильную лепту (17 млрд. долларов) в войну, развязанную американцами в Персидском заливе, оказывается вдруг в числе стран-изгоев! Похоже на то, что ни демократическое устройство ФРГ, ни определенная общность вероисповеданий и культур наших стран не принимаются во внимание, когда речь заходит об угрозе американскому могуществу – пусть и в самой малой степени. Нашим мечтателям из партии христианских демократов, для которых «дружба с Америкой» что-то вроде священной коровы, следовало бы после этого наконец проснуться. Но нет: «особый путь Германии» не имеет права на существование – а вот Китай «научить хорошим манерам» следует непременно! Бжезинский замечает далее, что Америка, пусть и первая, и по-настоящему единственная сверхдержава, но влияние ее все же ограничено. Этот феномен он объясняет следующим образом: «Ввиду того, что Америка все в большей степени приобретает черты мультикультурного образования, внутренняя сплоченность общества и его способность к единству – в случае агрессии извне – безвозвратно утрачиваются». Принятие волевых решений требует от участников «мировоззренческой мотивации, высокого интеллекта, патриотического воодушевления и присутствия духа. В то же время, основные черты, которыми отмечен сегодня американский образ жизни, это праздность, потребительство, бегство от реальности. По этой причине возможность достижения политического согласия – когда речь заходит о ведущем и, подчас, весьма дорогостоящем для США месте в международных делах – представляется весьма проблематичной. Тон в формировании общественного мнения задают американские СМИ, которые, когда речь заходит о насилии – пусть даже и о насилии, которое связано с минимальными потерями, – реагируют резко отрицательно, с отвращением и возмущением». Здесь следует заметить, что так бывает далеко не всегда: если на карте оказываются интересы еврейства, СМИ, оставив в стороне и отвращение и возмущение, готовы превозносить прелести войны до небес. В доказательство этих слов достаточно вспомнить тот шум, который был поднят в Штатах накануне иракской кампании: речь шла даже о необходимости нанесения ядерных ударов возмездия по Ираку. Ведь Саддам, оказывается, несет ответственность за события 11 сентября... А что американская публика? Американская публика безропотно внимала и верила в этот бред.

Далее автор поясняет, что ни Америка, ни Европа не в состоянии справиться со «стремительной деградацией традиционных ценностей». «Кризис культуры, который возникает в результате, в значительной степени обостряют – и прежде всего в США – расовые противоречия». Более того, в «благоразумных кругах Запада распространяются упаднические настроения и страх перед будущим». Для процветающих наций война стала своего рода «роскошью». «Две трети населения планеты, которые прозябают в бедности, вряд ли пойдут на поводу у привилегированной трети, которая все меньше стремится контролировать ситуацию». Велика вероятность того, что террористические группы не остановятся перед применением таких вооружений, которые обладают более высоким поражающим фактором, чем теперь. Вывод, к которому приходит Бжезинский, такой: «Короче говоря, политика США должна неусыпно и без всяких оговорок преследовать две цели: во-первых, господство Америки, по крайней мере, еще на протяжении одного поколения, а, по возможности, и дольше; и, во-вторых, создание таких условий, при которых неизбежные общественные потрясения и экономические тяготы, связанные с ролью мирового лидера, окажутся в центре общей ответственности всех тех, кому небезразлично миролюбивое господство на мировой арене».

В отличие от Бжезинского, для Тодта закат Америки уже происходит. Секрет успеха, которым пользуется его книга, заключается, как мне кажется, в позиции автора: Тодт отходит от принятой среди левых интеллектуалов позиции «Америка – империя зла» и выступает более взвешенно. К примеру, он подвергает критике работы Хомского, который хорошо известен своими взглядами на политику США, отдавая ей в то же время должное, когда речь заходит о последовательно милитаристском курсе этой страны и о том свободолюбии, которого у американцев, на самом деле, никогда не было. Тодт считает, что имперские притязания появились у США исключительно в последние годы; аргументирует он так: демократические государства не нападают на демократические государства. Если нас это успокоит, процитирую автора: «Америка все еще демократическое государство, а демократические государства не воюют друг с другом» (примечание: такое заявление автора абсурдно. Достаточно вспомнить бесчисленные войны, которые Америка вела с кем угодно, и независимо от того, какая форма государственного правления имела там место; достаточно вспомнить государственные перевороты, которые финансировались из бюджета США и были направлены на свержение демократически избранных правительств в том случае, если эти правительства не устраивали Вашингтон. Как признают серьезные исследователи, в 1939 году подавляющее большинство немцев пошло за Адольфом Гитлером, который получил на выборах более 90%. Это не помешало американцам сначала оказывать политическое давление на Великобританию с требованием объявить войну Германии, а затем, в нарушение всех договоренностей о нейтралитете, начать поставки стратегического сырья сначала англичанам, а потом и Советскому Союзу. Интересная деталь: почти ровно за 60 лет до событий 11 сентября 2001 года, 12 сентября 1941 года Рузвельт начал войну против Германии – без объявления войны, – отдав командующему ВМС США приказ о потоплении немецких боевых судов. На это командующий ответил, мол, мы уже вступили в войну, просто нация об этом еще не знает. Ему было все равно, с соблюдением каких демократических норм проходи-

ли выборы в Германии и насколько легитимно избрание Гитлера на пост канцлера... Куда важнее было выполнение поставленной задачи: уничтожение Германии, которая отказалась от золотого покрытия своей валюты и, учитывая это, смогла за 4 года обеспечить 6 млн. безработных немцев работой. Рузвельту, экономическая политика которого, известная под названием «New Deal», не приносила особых результатов, война была необходима как воздух, только таким способом он мог справиться с массовой безработицей в своей стране и обеспечить 13 млн. безработных американцев рабочими местами в военной, по преимуществу, промышленности. Вудро Вильсон, объявивший Германии войну в 1917 году, был тот еще фарисей, и все же, вот что он сказал в этой связи 5 сентября 1919 года: «Есть ли на свете такой мужчина или такая женщина, да пусть я даже скажу – просто такой ребенок, – которые бы не знали, что в основе любой войны в наши дни лежит промышленное и экономическое соперничество наций? ... Эта война была торговой и промышленной войной»). Когда Тодт пишет, что «в исторической ретроспективе задачей США на международной арене стала защита принципов демократии, существование которых оказывалось под угрозой: сначала со стороны немецкого национал-социализма, затем – японского милитаризма и, в конце концов, русского и китайского коммунизма», это полная и окончательная чепуха. Но не будем судить автора слишком строго... И американцы, и, ранее, англичане, когда речь заходит о сохранении их главенствующих позиций на мировой арене, всегда прикрываются звонкой фразой: так в Афганистане война разгорелась не из-за нефтяной магистрали, нет, там проводилась антитеррористическая операция, в Ираке американцы уничтожали оружие массового поражения и т.д. Тодт берет тезис Дойла о том, что демократии не воюют друг с другом, и скрещивает его с тезисом Фукуямы о «конце истории», в соответствии с которым крах коммунизма – всего лишь этап на пути человечества к окончательному освобождению и установлению мира на планете. В одном он поправляет Дойла: демократии ведут войны не друг с другом, но исключительно с иными политическими системами. А ведь он попросту подтасовывает факты, говоря о том, что первую мировую войну развязали Австро-Венгрия на пару с Германией, правительства которых недостаточно полно информировали парламенты своих государств о происходящих событиях. Но ведь в обеих странах существовала конституционная монархия, точно также, как и в Великобритании, которая объявила войну Германии. Серьезные историки в США придерживаются того мнения, что Германия, когда речь идет о странах, развязавших первую мировую войну, должна находиться не на первом, а на пятом месте: французский реваншизм и стремление Франции вернуть себе Эльзас и Лотарингию, британское соперничество с Германией на мировых рынках промышленных товаров, идея панславизма, которая двигала русскими в их желании освободить своих «славянских братьев» и подчиненность самих сербов «свободным каменщикам» – все эти причины сыграли свою куда более весомую роль, чем то, о чем говорит в своей книге Тодт.

Агрессивную внешнюю политику США Тодт объясняет «упадком американской демократии», который делает возможным войны между демократическими государствами. Упадок демократии автор связывает с возникновением нового класса олигархов, которые, составляя 20% населения страны, контролируют до 50% ее экономического потенциала. Похоже, Тодт просто не в курсе: на самом деле гораздо меньшее количество собственников контролирует 50% экономики. На это указывал еще Ратенау, когда он говорил после окончания первой мировой войны о том, что Европой владеет каких-то 300 человек, причем все они знакомы друг с другом. Не верно и заявления Тодта о том, что демократии миролюбивы по своей природе. Миролюбия нет – это подтверждают факты, и, в особенности, факты американской истории. Помимо того, что нарушение Америкой договоренностей о нейтралитете само по себе может стать причиной полномасштабных военных действий (как это и случилось во времена президента Рузвельта, который 60 лет назад спровоцировал таким образом сначала Германию, а затем и Японию), американские СМИ имеют дурную привычку нагнетать истерию в обществе всякий раз, когда речь заходит о новом вероятном противнике; достаточно вспомнить в этой связи те басни, которыми масс медиа кормили американцев в преддверии первой иракской кампании: особо запомнились сообщения об иракских солдатах, которые якобы вырезали нерожденных младенцев из материнского чрева и выбрасывали их живьем на улицы Кувейта. Такая обработка массового сознания не осталась без последствий: военная истерия была раздута до необходимых размеров. Похожим образом обывателя обрабатывали и раньше: в ходе столкновений с Мексикой, например, или во время первой мировой войны, когда ему рассказывали якобы подлинные истории о том, как немецкие солдаты отрезают бельгийским мальчишкам руки, чтобы те позже не могли взять в руки оружие. Либеральная демократия – это, по сути, господство средств массовой информации, которые зачастую излагают события либо односторонне, либо и вовсе перевирают факты, формируя таким образом не только общественное мнение, но и предвзятое отношение в обществе к тем или иным политическим фигурам, событиям и т.д. Рычаги управления СМИ находятся в руках экономической элиты, что, в свою очередь, делает либеральную демократию формой правления того класса олигархов, о котором и говорит Тодт. К сожалению, последнего автор не желает понять.

Тодт не всегда последователен. Например, он прав, когда говорит, о том, что «стратегическая цель Америки – установление политического контроля над ресурсами планеты». Но Америка слишком слаба для выполнения этой задачи, сил хватает лишь на Ирак, или на государства, сравнимые с Ираком по своей мощи. В целом, это ставит под сомнение главенствующую роль США, в лагере их союзников начинаются разброд и шатания. Тодт прав и тогда, когда заявляет, что свободный рынок превращает его участников в непримиримых соперников, а единственное средство выжить в конкурентной борьбе – это сокращение заработной платы наемным работникам. Такое положение вещей ведет к общему снижению уровня жизни в развитых странах, а в странах третьего мира за счет эксплуатации большинства обогащается меньшая часть населения. Панацею от религиозных войн Тодт видит в подъеме общего уровня образования (особенно среди женщин), по его мнению, такой подъем должен привести к снижению рождаемо-

сти и, следовательно, оздоровить первопричину религиозных войн. Он считает, что распространение письменности усиливает стремление к демократии и свободе. С этим, вслед за Хантингтоном, мы согласиться не можем: в обществах с высоким уровнем рождаемости – там, где 20% населения составляет молодежь в возрасте от 15 до 24 лет – Хантингтон видит наиболее высокий конфликтный потенциал уже хотя бы потому, что молодые люди в этом возрасте в наименьшей степени готовы приспосабливаться к тем нормам и установкам, которые диктуют им старшие. Замечу, что и Великобритания, и Франция объявляли Германии войны независимо от уровня рождаемости в них. Да и Америка в последние 50 лет вела войны без оглядки на этот показатель, который там и так не особенно высок.

С другой стороны, рост грамотности ведет к дальнейшему росту эксплуатации в странах третьего мира: ведь рост грамотности – это и рост квалификации наемного работника, теперь он может выполнять и те задачи, которые раньше были под силу лишь его коллегам из стран промышленно развитого Запада. Тотт просто подгоняет факты под уже готовую концепцию. Так он заявляет, что боевой пыл ревнителей ислама уже улегся и, хотя религиозные движения в Турции набирают силу, опасности для светского государства они, по его мнению, не представляют (и это при том, что партия нынешнего турецкого премьера оказалась в свое время под запретом именно из-за своих религиозных устремлений!). Говоря о том, что исламские экстремисты утрачивают свои позиции, он ссылается на книгу Кепеля «Черный джихад», не обосновывая, однако, никак это утверждение. Выдавать желаемое за действительное – стиль мышления автора явно отмечен этой чертой: «Издержки, которые связаны с авторитарным стилем правления настолько высоки, что такое общество неизбежно утрачивает конкурентоспособность» ... Похожую картину наблюдаем и тогда, когда он пускается в рассуждения о германо-французской дружбе, которая, по его словам, представляет собой образец того, как «многолетнее состояние войны может быть превращено в то, что напоминает нам состояние вечного мир». В этой связи не лишним будет вспомнить, как отношения между нашими двумя странами складывались в прошлом: так опросы общественного мнения среди французов накануне объединения Германия показали их крайне отрицательные отношения к этому процессу; может быть именно этот факт заставил президента Франции обратиться к правительству ГДР с предложением миллиардных дотаций, которые должны были, по его мнению, удержать восточных немцев от слишком резкого сближения с ФРГ; вспоминается в этой связи и французская военная доктрина, в соответствии с которой Рейнская область, в случае агрессии со стороны Советского Союза, должна была быть подвергнута ядерным ударам... Так что, если речь здесь и идет о дружбе, то это та дружба, крепость которой еще никто не подвергал серьезным испытаниям. А ведь еще де Голль утверждал, что на протяжении столетий задача французской политики в отношении Германии заключалась в том, чтобы удержать нашу страну от объединения. Фактически, Германии пришлось отказаться от своей собственной валюты, которая была хорошо известна в мире начиная с 1949 года, и ввести у себя евро – и это в обмен на согласие французов об объединении немцев. Комментарий французской прессы в этой связи: «Версальский договор без объявления войны». Тотт: «На самом деле, цель валютного союза – это попытка поставить заслон

немецкому влиянию в Европе». Все это происходило в то время, когда на каждом шагу раздавались здравицы в честь германо-французской дружбы. Но слова Тодта, которые способны вызвать у нас скептическую улыбку, этим не ограничиваются. Например, тот факт, что в Великобритании и Франции уровень рождаемости составляет в среднем 1,7 и 1,9 ребенка на женщину, а в Германии, Италии и Испании – 1,3 и 1,2 соответственно, он объясняет авторитарными формами правления, которые там когда-то существовали: «В странах с преобладающей тягой к индивидуализму решения о том, заводить детей или нет, принимать легче. В странах, прошлое которых омрачено авторитаризмом, отношение к новой жизни, в демографическом смысле, более спокойное. Решение о продлении рода, которое требует активного участия, гражданам этих стран принимать сложнее».

Рассмотрим ошибки автора: во времена Веймарской республики уровень рождаемости в Германии был низок, но он все-таки превосходил аналогичный показатель для демократической Франции начала века; в Третьем Рейхе (по Тодту – авторитарная диктатура) этот показатель вырос больше чем на треть; в 50-х и 60-х годах, в то время, когда ценности национал-социализма все еще сохраняли свое влияние в обществе, уровень рождаемости был по-прежнему высок, а вот дрейф ценностных ориентиров в сторону индивидуализма, общей безответственности и проч. привел к его снижению. В авторитарной ГДР показатель рождаемости был всегда в среднем на одну треть выше, чем в Западной Германии, и только после объединения страны он резко пошел вниз.

Высокий уровень рождаемости в Великобритании, Франции и США (там он составляет 1,8 ребенка на женщину) следует связывать в первую очередь с общей демографической ситуацией в этих странах. Но тот факт, что во Франции проживает 5 млн. мусульман, в Великобритании велика доля цветного населения, а в США – выходцев из Мексики, Пуэрто-Рико, да и попросту негров, Тодт попросту не замечает... Нам трудно представить, что эти переселенцы имеют какое-либо отношение к «традициям индивидуализма», которыми так гордятся эти страны. Во Франции 1% семей имеет 10 и более детей, это 25% следующего поколения французов, не нужно говорить, что в подавляющем числе случаев речь здесь идет о мусульманских семьях.

Увы, чувство реальности оставило Тодта. Вдумаемся: «Америка с 1950 года по 1965 год – страна всеобщей демократии, свободы слова, расширения социальных прав, борьбы за гражданские права. Эта Америка была империей добра».

Но автор прав, когда он говорит об экономической уязвимости США. Дефицит торгового баланса в стране составляет год за годом более 300 млрд. долларов, что говорит об одном: процветание американской экономики находится в критической зависимости от постоянного притока в страну иностранного капитала. В случае, если Америка попытается выправить этот перекося, спад уровня жизни американцев неизбежен – он составит от 15% до 20%. Для обеих правящих партий США такой шаг значил бы переворот всего жизненного уклада, не говоря уже о необходимости резкого снижения военных расходов для компенсации недостающих

средств. В 2002 году импорт товаров промышленного производства превысил экспорт – и здесь американцы сдают свои позиции, в которых они всегда были традиционно сильны. Регулярно выходит из строя энергосистема страны (мы раньше думали, что такое возможно только в странах бывшего Восточного блока). Зарплаты больше не растут, а 5% самых богатых американцев получают все большие прибыли: зачастую в форме процентов с общественного капитала. В американской армии царит засилье бюрократии, подразделения реагируют медленно, их эффективность низка; американское военное превосходство сохраняется пока в воздухе и на море, на суше американцы всегда традиционно уступали всем – такое положение сохраняется со времен второй мировой войны; готовность американцев к самопожертвованию не идет ни в какое сравнение с готовностью русских приносить себя в жертву (см. Афганистан). Америка страдает от дефицита государственного бюджета, иными словами: в долгосрочной перспективе у американцев просто не окажется денег на модернизацию вооруженных сил. В 1990 году капитализация биржевого капитала составила 359 млрд. долларов, восемь лет спустя – 13451 млрд. долларов. Знаменательно то, что этот рост никак не связан с реальным положением дел в экономике США: просто те прибыли, которые поступают со всего мира, инвесторы вкладывают в дело через американские биржи. Поэтому банкротство американских компаний означает для европейских и японских банков (и вкладчиков) значительные потери; то же самое можно сказать и о ситуациях, когда биржу, как говорится, лихорадит, а доллар стремительно падает вниз. Такое случалось в прошлом, и поэтому стоит учитывать возможность такого сценария и в будущем (в дополнение к сказанному: финансовая дисциплина в американских концернах часто хромает, известны случаи фальсификации бухгалтерской отчетности с целью улучшения общей картины работы предприятия. Этот момент следует учитывать всем, кто хочет вкладывать деньги в американские ценные бумаги). В общем, ситуация выглядит так, что американцы стягивают к себе сокровища всего мира с целью их дальнейшего потребления. Похожим образом обстояли дела и в Древнем Риме; впрочем, военная мощь Рима всегда превосходила то, чем сейчас располагают Штаты. Поясню: нарушить нормальную жизнь в стране можно по-разному, разбомбив ее инфраструктуру или установив морскую блокаду; подчинить экономику завоеванной страны захватчики могут только в одном случае: если в их распоряжении имеется боеспособная армия; а такой армии у американцев нет.

В некоторых случаях дает себя знать идеологическая зашоренность автора: такое явления как универсализм, или, иными словами, вовлечение покоренных народов в систему, которую создали завоеватели, Тодт оценивает как позитивное; оно – само по себе – является и обоснованием, и оправданием господства. При этом автор ссылается на опыт римского императора Марка Аврелия Антония Каракаллы и его *Constitutio Antoniniana* (212): в соответствии с этим документом гражданство Рима получали все вольно рожденные жители империи. В последующие затем годы римскими императорами становились преимущественно выходцы из провинции. К моменту принятия Конституции Каракаллы Рим уже вступил в стадию упадка – это убедительно показали ожесточенные войны с германцами, которые Рим вел за 200 лет до этого. Британцы никогда не повторяли этой ошибки – ход

чужакам в правящую элиту Британской империи, просуществовавшей не одно столетие и павшей после второй мировой войны, всегда был заказан. Принято считать, что ядро американской нации составляют переселенцы из Европы, и это верно; Тодт, однако, умалчивает о том, что такая ситуация сохранялась лишь до тех пор, пока американская нация на 90% состояла из представителей германских народов. Индейцы и негры всегда оставались за бортом этой цивилизации – так дело обстоит и сейчас. Переселенцы, которые ныне формируют облик Америки – это выходцы из Мексики, Пуэрто-Рико и стран Азии; они держатся обособленно, их интеграция в американское общество затруднена. Третий Рейх не был «универсалистским» государством – ведущим державам мира потребовалось шесть лет и высшее напряжение всех сил, чтобы совместными усилиями одолеть этого противника. Универсализм, в принципе, может иметь усиливающее действие – при условии, что элементы, которые подвергаются «плавлению», схожи друг с другом, а их количество невелико; иначе мы получаем обратный результат (как это, кстати, видно из мифа о Вавилонской башне) – дробление коренной нации на различные группы по интересам, ослабление государства и потеря власти автохтонами. Подтверждение истинности этих слов – история Египта, Греции, Рима... Тодт этого не понял. Универсализм коммунистов оказался не в состоянии удержать различные народы, населяющие бывший Советский Союз под сенью этой идеологии; это можно сказать и о Югославии, и, в определенной степени, об Австро-Венгрии, в которой политика германизации не проводилась совершенно сознательно.

Арабы – в отличие от американских евреев, многие из которых связаны с неевреями узами брака – не становятся частью американской нации. Удивительно, но Тодт пишет в этой связи: «Верность, которую Америка хранит по отношению к Израилю, для специалистов, занятых стратегическим анализом, представляет собой большую загадку». Тодт удивлен тем, что Бжезинский, рассуждая о геополитике, обходит молчанием Израиль, хотя тесный характер американо-израильских отношений и есть та причина, по которой американцев так не любят в исламских государствах и, более широко, во всем арабском мире. Это удивляет его даже больше, чем та несправедливость, которую «день за днем израильские оккупанты творят в Палестине», или то, как «ежедневно нарушается принцип равноправия, который лежит в основе демократического мироустройства». Разумеется, никакой загадки здесь нет, это станет понятным, если мы взглянем на слова Шарона, которые приведены ниже. Тот факт, что американские СМИ находятся преимущественно в руках евреев (включая такие издания как «Нью Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост»), Тодт комментирует скупно: «В том, что говорят о роли еврейства в формировании общественного мнения, и то, как такое положение дел влияет на исход, скажем, выборов в этой стране, есть доля правды. Это теория еврейского лобби». Нам должно быть понятно, что это не «доля правды», а вся правда, как она есть. Ведь совершенно очевидно, что для Америки, которая обычно действует исключительно в собственных интересах, нет смысла настраивать против себя значительную часть человечества – с геополитической точки зрения это безумие, – и все же именно это и происходит, хотя Израиль сам по себе не представляет для США никакого интереса: ни в геополитическом, ни в экономическом смысле.

Причина, по мнению Тодта, – это христианский фундаментализм нынешнего президента США, который буквально «влюблен в государство Израиль»; для всех тех, кому «ненавистен ислам и, в целом, арабский мир» такая глубина религиозного чувства Буша – настоящий подарок. Это странно, учитывая, что три четверти американских евреев находятся в левом секторе политического спектра, они голосуют за демократов и как огня боятся христианских фундаменталистов. Между тем, многие евреи отмечают: «протестант, который понимает Библию буквально, неизбежно отождествляет себя с государством Израиль». Хотя сам еврей, Тодт удивляется тому, что евреи в США не стремятся к интеграции: «Эта привилегированная часть населения исповедует культ холокоста со страстностью, которая настораживает – и это в лучшем случае, в худшем случае нам придется сравнить эту страсть с невротическим состоянием. Американские евреи неустанно отдают долг памяти той гибели, которую им удалось избежать. Они неумолимо критикуют антисемитизм, рост которого мы наблюдаем повсеместно, и они в большей степени принимают участие в судьбе зарубежной диаспоры (прежде всего французской), чем сама эта диаспора... Я не способен этого понять: страх евреев в стране, еврейское лобби в которой сильно как нигде».

Тодт оценивает американскую внешнюю политику как «катастрофическую»: хоть американцы и стремятся к дестабилизации России, их отношения с европейскими партнерами унижительны для последних, к Японии Америка относится надменно, Китай – провоцирует, а Иран давно записан в список стран-изгоев. Это не следует расценивать как «неуклюжесть» или своеобразную «логику» американцев, просто Америка – по Тодту – настолько слаба, что военная конфронтация возможна только между ней и еще более слабым противником. Что у американцев не отнять – так это их непоколебимую уверенность в собственном превосходстве, которое не всегда имеет под собой реальную почву. Американцы действительно считают, что они могут управлять миром. Как говорил один американский президент в этой связи: «Что мы желаем, то и происходит». Такое высокомерие застит им глаза, они не в состоянии правильно оценивать реальное соотношение сил в мире; в этом смысле верны те параллели, которые Тодт проводит между политикой США и «политикой» Вильгельма II. Поэтому американцы искренне верят, что они могут вести войны повсюду, а агрессию против Китая рассматривают, несмотря на ее очевидную и полную бесперспективность, как превентивную меру, способную остановить возвышение этой страны. Если Америка сможет реально обезопасить свою территорию новыми системами ПРО, легко представить, насколько возрастет желание этой страны угрожать остальному миру ядерным ударом; возрастет угроза и безопасности России, и безопасности Китая, которые в списке возможных целей автоматически окажутся на первом месте... А повод для начала войны у Америки всегда найдется еще и потому, что при нынешних темпах добычи минерального топлива его запасы на территории США будут исчерпаны к 2010 году; уже в 1999 году импорт нефти в эту страну превысил уровень внутренней добычи.

Тодт приветствует укрепление и стабилизацию России, которые мы наблюдаем при президенте Путине: мощная Россия – это необходимое условие восстановления равновесия в мире. Богатство природных ресурсов делает Россию менее уязвимой – если сравнивать ее с Америкой – и более независимой от остального мира: страна не зависит от поставок энергоносителей, русским, фигурально выражаясь, нет необходимости что-то у кого-то отнимать. Когда Тодт начинает рассуждать о Германии, попутно удивляясь той «покорности, с которой этот важнейший протекторат западного мира» позволяет собой помыкать, он объясняет этот феномен демонстрацией военной мощи союзников и теми потерями, которые страна понесла в ходе бомбардировок 1943 – 1945 годов. Но мы не согласимся с автором: сперва была советская угроза, которую немцы испытали на собственной шкуре, затем денацификации и распространение пораженческих настроений в стране. Только при Шредере положение начало выправляться (а Шредер принадлежит к поколению шестидесятников, которые в свое время выходили на улицы, протестуя против войны США во Вьетнаме); когда это случилось, реакция со стороны христианских демократов, руководимых госпожой Меркель, была предсказуемой: последовали упреки. Это и понятно: христианские демократы по-прежнему руководствуются в своих действиях представлениями и стереотипами, которые давно отжили свое.

Наращивание ядерного потенциала в Европе Тодт рассматривает как необходимое условие освобождения Евросоюза от диктата Соединенных Штатов, которые тогда больше не смогут жить иждивенчеством. Если в Европе хозяйствуют бережно и рачительно, то американцы, которые в свое время заселили девственную целину, богатую природными ресурсами, следуют иным установкам: «Так повелось, что рост американской экономики всегда опирался на эксплуатацию недр, расточительную трату природных запасов нефти и ввоз рабочей силы из-за рубежа». Тягу американцев к перемене мест автор оценивает положительно, и видит в ней доказательство динамичного роста экономики (17,5% американцев против 9,5% в Японии хоть раз меняют место своего проживания; при этом японцы производят вдвое больше). Тодт ратует за большую европейскую независимость и – что необычно для еврея – объявляет: «С той нестабильностью, которую США и Израиль своими совместными действиями поддерживают в арабском мире, Европа в долгосрочной перспективе мириться не будет. Экономические императивы диктуют необходимость создания сферы влияния арабского мира с центром в Европе. Соединенным Штатам, разумеется, там места не будет. Турция и Иран уже поняли, в каком направлении им двигать свою экономику... Учитывая роль ислама в современном мире, США все в большей степени становятся тем государством, которое у всех способно вызывать только раздражение. Картина миграции в Европу и направление ее основных потоков выглядят так: из Пакистана в Великобританию, из Северной Африки во Францию, из Турции в Германию. Дети мигрантов, рожденные в стране пребывания, автоматически становятся гражданами этой страны. Это относится с недавних пор и к Германии, где новое законодательство призвано облегчить пришлым получение гражданства. Географическая близость Европы к странам ислама и необходимость обеспечения внутренней стабильности в регионе – это те факторы, которые требуют от европейцев создания в Европе дружествен-

ной атмосферы взаимного согласия. В этом смысле Америка выступает здесь как нарушитель спокойствия – спокойствия как внутреннего, так и внешнего».

Я уделил такое большое внимания работам Хантингтона и Бжезинского, чтобы нам – германским язычникам – было понятней, с чем нам придется столкнуться в будущем. Хантингтон клянется в верности той системе ценностей, которые исповедует Запад, он пророчит религиозные войны и объявляет, что Европа и США до гроба вместе. Что ж, верность сородичам... Но ведь многонациональная, погрязшая в конфликтах Австро-Венгрия стала причиной падения второго Германского Рейха – и это предупреждение, о котором мы не имеем права забыть. Россия, если сравнивать ее с США, страна куда более «белая» в этническом отношении, поэтому не надо особенно прислушиваться к тем, кто говорит нам, мол, поддержим наших белых братьев в Штатах. Аргумент о «белых братьях» хорош, но он не выдерживает критики: на протяжении десятилетий Америка проводит в отношении России враждебную политику. Стремление США сохранить свое господствующее положение в мире, который американцы рассматривают в качестве американской вотчины, вызовет еще и войны, и конфликты. Поддержка американцами Израиля и борьба со странами исламского мира, природные ресурсы которых Америка стремится присвоить, имеет следствием глубоко укоренившуюся у мусульман ненависть по отношению к США и их союзникам (вспомним теракты в Испании). Без сомнения, эти теракты – лишь предвестники грядущих, куда более масштабных столкновений. Террор нельзя преодолеть усилением мер безопасности, террорист всегда найдет возможность нанести удар, ведь даже в Израиле, который превращен в неприступную крепость, это происходит чуть ли не каждый день, и это несмотря на те дотации, которые это государство тянет со всех – на укрепление безопасности. Евреи по всему миру стремятся опорочить образ Германии, после этого поддержка Израиля не может быть нашим национальным интересом; принцип религиозной избранности, который исповедуют иудео-христиане, неизбежно входит в коллизию с нашим языческим мироощущением. Америка последовательно и во всем вредит России (причина: богатство недр бывшего СССР); учитывая оккупацию восточногерманских земель Польшей и Чехией, а также захватнические настроения поляков, для которых и срединная Германия – уже тоже Польша, в наших интересах сохранение добрых отношений с Россией. Немцев любят в Китае, и это понятно: во времена колониального владычества мы, вместо того, чтобы разорять наши колонии там, занимались их обустройством; запомнилось китайцам и то, как в 1937 году наш консул предотвратил бойню, которую собирались устроить китайцам японцы. В китайской прессе не встретишь плохого слова о Германии – в отличие от прессы еврейства и англосаксов, – когда же речь заходит о Великобритании, Франции или России, китайцы в выражениях не стесняются. Ясно, что не в наших интересах портить эти отношения, поддерживая «политику локализации», которую Америка проводит в отношении Китая. Здесь следует помнить и о том, что израильтяне всячески культивируют негативное отношение к нашей стране, отголоски этой ненависти долетают до нас со страниц англоязычной прессы, которая, по преимуществу, находится в руках их иудейских единоверцев, которые обосновались в англосаксонских странах. Ариэль Шарон в своем радиовыступлении 3 октября 2001 года, обращаясь к тем, кто выступает

против его политики на оккупированных Израилем палестинских землях, не постеснялся заявить следующее: «Я хочу сказать вам прямо: не бойтесь американского давления на Израиль. Мы, еврейский народ, держим Америку под контролем, и американцы это знают».

Иудео-христианская ментальность крестоносцев в ближневосточных делах (Бжезинский по этому поводу завуалировано говорит о том, что Америка должна препятствовать более самостоятельной европейской политике в этом регионе) будет и впредь вести к ненависти, войнам и бомбардировкам стран-изгоев, которые ответят на это террором. Т.н. «неоконсерваторы» держат на прицеле не только Иран и Сирию, они уже рассуждают о том, что сеть Аль-Каиды базируется в Саудовской Аравии и что это достаточная причина для свержения монархии и установления американского владычества в этой стране. Речь уже идет о том, чтобы оккупировать государства вдоль израильской границы, превратив их тем самым в карантинный пояс: создание такого кордона – необходимое условие, которое позволит израильтянам безнаказанно сгонять палестинцев со своих земель и уничтожать их, как это сегодня и делается. Единственная весомая заслуга Шредера за все годы его правления – это четкий и недвусмысленный отказ от финансового и военного участия Германии в иракской кампании; такое решение канцлера принесло немцам весьма неплохие политические дивиденды в арабских странах, а ведь нас там, из-за того, что мы постоянно кланяемся Израилю, уже почти разучились уважать. В то время, как еврейские «неоконсерваторы» в США проводят антиарабскую политику, христианские фундаменталисты в окружении Буша, оказавшись в плену старозаветных догм, в соответствии с которыми евреи имеют полное право на уничтожение палестинцев, демонстрируют полный паралич политической воли: ведь такова воля господ. Понятно, что при таком положении дел эскалация военного присутствия, на которое арабы ответят новой волной террора, всего лишь вопрос времени. Палестинские террористы-смертники, которые жертвуют самым дорогим, что у них есть – своей жизнью, демонстрируют нам, насколько отчаянное положение сложилось в их стране после ввода туда израильских войск и начала оккупации, которая, несмотря на многочисленные резолюции ООН, продолжается и по сей день вот уже более сорока лет. Единственное решение этой проблемы, о серьезности которой говорит хотя бы тот факт, что даже женщины принимают участие в войне, которую и не удастся остановить усилением мер безопасности, видится нам в следующем: оздоровление политической ситуации, предоставление палестинской автономии полной независимости, вывод оккупационных войск и возвращение 400000 еврейских переселенцев, на размещение которых Израиль в течении 35 лет тратил американские деньги, обратно в Израиль. Иначе мира на Ближнем Востоке не достичь, а это значит, что теракты (а возможно применение и более смертоносных вооружений) в тех странах, которые поддерживают иудео-американский курс на искоренение палестинского населения, будут продолжаться. Мы не должны ни в коем случае поддерживать Америку в ее иудео-христианских устремлениях подобного рода, любых столкновений с мусульманами в этом вопросе нам следует избегать! Мы, германские язычники, должны ясно дать понять всем: библия с ее требованиями к евреям уничтожать своих соседей никогда не станет для нас священным писанием; Старый Завет для

нас – это проповедь насилия и призыв к геноциду целых народов; христианский фундаментализм – угроза стабильности и миру во всем мире; уже сегодня более двух третей европейцев считают Израиль основной причиной напряженности в мировых делах, на втором месте – США. Мы не в состоянии предотвратить войны, которые ведет Америка, мы не в состоянии предотвратить бомбардировки и секретные операции ЦРУ по свержению законно избранных правительств, но мы в состоянии их не поддерживать. Это не нужно нам – ни как немцам, ни как язычникам. Мы должны ясно дать понять всем – это наша земля, и поэтому мы обязаны всеми силами защищать наследие нашей собственной культуры. Мы имеем на это полное право точно так же, как в исламских странах народ имеет право исповедовать ислам, который им так нравится, практиковать шариат, ставить христианским миссионерам палки в колеса, не носить в публичных местах христианских символов и проч. Тот факт, что такое положение дел все больше раздражает христианских фундаменталистов Запада, не должно нас волновать: мы не миссионеры, и никого не собираемся обращать в свою веру. Точно так же не должно нас волновать преследование тех полухристианских сект в Китае, которые противопоставляют себя конфуцианству; это внутреннее дело китайцев, а раз так, то стоит ли правительству Германии вмешиваться в эти перипетии и слать ноты протеста? Даже если кто-то там и нарушал права человека, во что трудно поверить... У Германии за плечами две мировые войны, страна буквально изошла кровью; хватит мировых войн, мы просто не можем себе этого больше позволить. Объявляя в 1939 году войну Германии, Англия, идя на поводу у своих заокеанских друзей, поставила на карту судьбу Британской империи и проиграла: Великая Британия превратилась в Малую Британию. На поводу у таких «друзей» мы не пойдём! Нам не за что благодарить Америку. В 1945 году нас не освободили, нас победили, Германия была разорвана на части, исконно немецкие земли были отделены, с согласия англосаксов четверть страны оказалась под управлением чужаков, а коренное немецкое население силой изгонялось со своих земель. Был подорван промышленный потенциал страны: львиная доля оборудования оказалась демонтирована и вывезена в Штаты и в Англию, германские вклады в зарубежных банках арестованы, немецкие патенты, совокупная стоимость которых составляла на тот момент 20 млрд. марок, попросту присвоены американцами. План Маршалла по восстановлению Германии стоимостью в миллиард долларов оказался на поверку формой финансирования американской экономики, которой срочно требовался перевод на мирные рельсы: на эти деньги нам было «разрешено» покупать американский ширпотреб. Так американцы осуществляли свою конверсию, так они помогали нам. Мы вернули долги, и это было в интересах Америки, точно так же, как в интересах Америки, а не в наших интересах, был и воздушный мост между Западным Берлином и «большой землей», необходимость в котором, кстати, и не возникла бы, если бы США с самого начала войны не поддержали СССР поставками стратегического сырья, оборудования и потребительских товаров, тем самым отодвигая его падение. Гуманитарная помощь, которую мы получали от наших американских родственников, не может заставить нас испытывать чувство благодарности по отношению к США: мы хорошо помним ковровые бомбардировки наших городов, и бомбы англосаксов, которые унесли жизнь 500000 наших женщин и детей, мы хорошо помним немецких военнопленных, которые в лагерях

после окончания войны просто умирали от голода. Нам не за что благодарить Америку, не нужно хранить ей верность. В наших интересах: не участвовать в войнах, которые ведут американцы (в ходе второй иракской кампании у нас это получилось), мы должны уберечь нашу землю от террора (от которого Америка нас все равно не защитит) – даже если это будет стоить нам нашего членства в НАТО.

Славословия Хантингтона в адрес «западной культуры и системы ценностей» мы слышали: под бременем расовых проблем и мультикультурности, без постоянного притока в страну иностранного капитала, технологий и рабочей силы Америка рухнет быстрее, чем мы можем это себе представить. Стоит ли нам оставаться на тонущем корабле? Нам, всем германским язычникам, нужна такая политика, в центре которой будут стоять интересы нашего собственного государства и, прежде всего, сохранение долгосрочного и стабильного мира в регионе. Америка со своими «культурными достижениями», как-то: фаст-фуд, поп музыка, мыльные оперы и мультикультурность, не может предложить нам ничего, на что нам следует обращать внимание. Чем раньше Америка рухнет, тем будет лучше для всех – мир наконец сможет вздохнуть спокойно. Американцы постоянно разжигают конфликты: чеченские передачи на волнах Радио Свободы, военные советники США в Грузии, базы в Средней Азии – все это знакомые нам признаки внешней политики по-американски. Прекратив финансирование Израиля, американцы могли бы остановить противостояние на Ближнем Востоке в течении недели: бюджет Израиля просто не потянул бы такую амбициозную политику израильских бонз. Американцы позволяют себе расходовать астрономические суммы на ведение боевых действий по всему миру. Это запоздалая шутка нашей истории, когда говорят, что социал-демократическое правительство модернизирует бундесвер с тем, чтобы он вместо защиты родины выполнял задачи оперативного вмешательства там, где это нужно американцам.

Чем быстрее американцы поймут, что уже через несколько лет они потеряют свою ведущую роль в мире и что отныне им придется полагаться исключительно на себя, тем лучше это будет для укрепления мира на планете.

Помимо этого, как мне кажется, понятие «Запад» недостаточно емко само по себе. Хантингтон не говорит об этом, но в дискуссиях последних 20 лет то и дело приходилось слышать такие словосочетания как «восстание третьего мира», «развивающиеся страны против развитых стран» или «конфликт между Севером и Югом». Понятие «третий мир» также не отражает более реалии сегодняшнего дня: достаточно взглянуть в сторону Индии и Китая, которые уже достаточно сильны и в хозяйственном, и в военном отношении, чтобы претендовать на звание мировых держав. Когда речь заходит о «развивающихся странах», то тоже не всегда понятно, что имеется ввиду: то ли страны, имеющие потенциал для развития, то ли те, кто уже безнадежно отстал. Понятие «конфликт между Севером и Югом» подразумевает наличие определенных расовых противоречий. Но было бы ошибкой считать, что приток цветных в Соединенные Штаты и в страны Европы может сам по себе вызвать всплеск солидарности среди белого населения этих стран.

Вот и Хантингтон, рассуждая о солидарности, заранее исключает из своей модели Запада белый православный конгломерат, который тяготеет к России. Не только Адольф Гитлер, но и многие этнографы предупреждали о негативных последствиях мировой войны, которая растерзает Европу; это не помешало таким деятелям как, например, Черчилль именно такую войну сделать своей целью, и упорно работать в этом направлении. Упрямство, с которым госпожа Тэтчер и некоторые другие европейские лидеры стремились воспрепятствовать воссоединению Германии, ясно указывает на то, что до переоценки своих взглядов англосаксам, французам и, отчасти, итальянцам еще далеко. То же самое можно сказать и об американцах, которые вообще не привыкли видеть дальше собственного носа. Мы, немцы, всегда делаем одну и ту же ошибку: беды других мы принимаем слишком близко к сердцу (см. Гердер, Кант, да и Гитлер, отпустивший восвояси сухопутную армию англичан, только бы не подвергать опасности Британскую империю). В результате мы всегда оказываемся теми крайними, у которых никто даже уже и не спрашивает согласия, когда приходится «поступаться собственными интересами ради великого общего дела». К тому же и разделение симпатий и антипатий по цвету кожи более невозможно. В антропологии известны три основные расы: европеоиды, монголоиды и негроиды. К первой категории типологически относятся индейцы и большинство мусульман. Но они, как верно заметил Хантингтон, образуют собственное цивилизационное ядро. Для сохранения стабильности внутри любого ядра необходимо наличие государства-лидера, вокруг которого объединяются государства-сателлиты, имеющие схожий цивилизационный тип – и в этом Хантингтон прав. Но именно это обесмысливает все его дальнейшие построения: так Америка в 20-е и 30-е годы могла реально стать ядром цивилизации англосаксов, состоящей из самих США, из Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Россия была, есть и будет объединяющим ядром православной цивилизации славян. Франция – ядро романо-католической Европы. Германия – ядро германской части Европы (исключая Англию). Естественные союзники Германии на континенте (то есть те, с кем у нас никогда не было никаких взаимных территориальных притязаний) – это Россия, Белоруссия и Украина. Мы должны также помнить и о том, что, в отличие от Великобритании, Франции, Польши и Италии, которые оказывали активное сопротивление воссоединению Германии, в первую очередь Россия сделала это объединение возможным. При этом сыграл свою благотворную роль и тот факт, что – в отличие от Великобритании, Франции и США – между Германией и великими славянскими нациями ни в прошлом, ни в настоящем не было сколь-нибудь заметных экономических или политических столкновений.

Через сто лет Северная Америка, Англия и Австралия – если там не произойдет резких политических изменений – будут иметь такой же состав населения, какой сегодня имеет Южная Америка и, соответственно, такой же экономический, военный и финансовый потенциал, каким обладают на сегодняшний день страны Латинской Америки. Отдельные области США и Канады могут выжить, но лишь в том случае, если они смогут обособиться, что вряд ли произойдет (ср. войну за независимость). В любом случае, не может быть и речи о том, чтобы мы, немцы, стали «знаменосцами Запада» ... Лишь затем, чтобы вместе с Западом пойти на дно?

Очевидно, что через сто лет члены американского кабинета министров внешне будут выглядеть не так, как англосакс Рамсфельд, но скорее так, как негр Пауэлл, или так, как советник по вопросам национальной безопасности Райс, а генералы – как командующий оккупационными войсками в Ираке Санчес. Русский кабинет и через сто лет – даже если допустить, что расовое сознание русских не проснется, а внутренняя политика в вопросах расы будет по-прежнему намеренно вялой – не претерпит значительных изменений, так что министры, как Путин сегодня, будут с первого же взгляда вызывать у нас симпатию и доверие: ведь так и бывает обычно между добрыми соседями и родственниками. Нам не нужно становиться «знаменосцами Запада» во имя интересов США. Не только наши отношения с родственными нам цивилизационными типами, но и наши отношения, в особенности, с китайским, индуистским и исламским цивилизационным типом мы должны строить, руководствуясь исключительно нашими собственными интересами.

В оправдание Хантингтона нужно сказать, что он не первый, кто подвергает американскую позу «Мы самые, самые... Нам боятся нечего» критике. На опасности, связанные с перерождением внутренней структуры западного общества, ранее указывали Джеймс Бурнам («Самоубийство Запада», 1964), и – уделяя особое внимание причинам возможного упадка – Вильям Гэйли Симпсон («Куда идешь, западный человек?», 1978). После них на эту тему высказывался Патрик Дж. Буханан в книге «Смерть Запада. Падение рождаемости и массовая иммиграция угрожают нашей цивилизации» (2002). Пока голоса этих авторов остаются голосами вопиющих в пустыне, я не вижу причин, по которым мы должны переосмысливать нашу собственную позицию в этом вопросе. Америка своим вмешательством помешала нам выиграть две мировые войны. Участие в третьей мировой войне на стороне США сотрет наш народ с лица земли.

Что лучше для нашей экономики и финансов: партнерские отношения с арабским миром, или «покаянные» выплаты в бесчисленные фонды холокоста, которые растут как грибы после дождя? Круглый год, день за днем, миллиарды евро... Давайте задумаемся. Что вредит нашему сознанию больше: обязательное чтение дневников Анны Франк или школьница-мусульманка с паранджой на лице в школьном классе? Кто-нибудь из духовных лидеров ислама требовал массовой стерилизации немцев, или это был Натан Кауфман из американской «Лиги мира»? Кто представляет немецких солдат в образе туповатых мясников: исламская киноиндустрия или еврейские продюсеры в Голливуде? Кто пытался помешать нашему объединению: Совет исламских государств или Всемирный еврейский совет? Кто несет ответственность за убийство полумиллиона мирных немецких жителей под бомбами союзной авиации: какой-нибудь халиф или покинувший пределы Германии из расовых соображений заместитель министра иностранных дел США Линдемманн? Кто требовал раздела Германии и голодной смерти для 20 млн. немцев: Великий муфтий Иерусалима или Генри Моргентау? Кто стоял 14 февраля 3804 года в Дрездене во время демонстрации, посвященной памяти погибших от бомб союзников с транспарантами, на которых было написано «Летчик Гаррис, сделай это снова» и «Бабушка с дедушкой были убийцами, а не жертвами»: му-

сульмане или еврейские мигранты? И кто будет больше всех радоваться, если арабы и немцы, которые еще 60 лет назад сражались под одними знаменами, вдруг пойдут друг на друга войной? Давайте не будем становиться пушечным мясом в новом иудео-христианском крестовом походе против мусульман! Кое-кто в рядах христианских демократов не устает предупреждать нас об опасности исламской иммиграции, эти же господа, однако, допустили, что количество еврейских переселенцев из стран бывшего Союза начиная с 1990 года увеличилось в восемь раз: с 33000 до 270000 (по данным евангелического агентства новостей idea). Как бы то ни было, но количество мусульман в Германии за последние 14 лет в восемь раз не выросло. Наша задача, задача всех германских язычников, заключается в том, что мы должны поставить заслон распространению иудео-христианского фундаментализма в Германии. Только так мы сможем избежать нашего участия в религиозных войнах будущего!

Гамбург, декабрь 2005 г., Юрген Ригер

Перевод с немецкого: Петр Кузьмичев

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).